

ІСТОРИЧНА ПОЕТИКА ТА ІСТОРІЯ ПОЕТОЛОГІЧНИХ ДИСКУРСІВ

УДК821.161.1: 82-31

ОТ ВОЛЬНОСТИ К СВОБОДЕ: ПУТЬ ГЕРОЯ РУССКОГО РОМАНА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Світлана Іванівна Коршунова

sikorshunova@mail.ru

Кандидат філологічних наук, доцент

Кафедра світової літератури

Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника

Вул. Шевченка, 57, 76000, м. Івано-Франківськ, Україна

Анотація. Досліджується функціонування універсалії „свобода”, що генетично пов’язана з поняттям „воля”, у просторі російського роману XIX століття. Спершу розглядається формування концепту „свобода” у творчості О. С. Пушкіна. Наступними об’єктами дослідження стають романи І. Гончарова „Обломов” та І. Тургенева „Батьки і діти”. Автор висновує, що проблема свободи людини в літературі пов’язана із зображенням зростання процесу індивідуалізації героя, що була зумовлена зростанням ваги антропологічної складової російського життя і актуалізувалася в період розквіту російського класичного роману.

Ключові слова: воля, свобода, несвобода, антропологізм, російський роман, Базаров, Обломов, О. С. Пушкін, І. О. Гончаров, І. С. Тургенєв.

Свобода – одно из основных начал общественного бытия, смысл и значение которого вытекают из онтологической природы общества. Это одна из приоритетных ценностей жизни, потеря или приобретение которой требует от человека актуализации умственных и физических усилий как способа достижения свободы.

Понятие свободы стало предметом изучения разных научных дисциплин: философии, лингвистики, когнитивной лингвистики, социологии, политологии и, конечно же, литературоведения. Первенство постановки вопроса о свободе принадлежит философии. Свобода – один из ключевых вопросов философии, поэтому у каждой философской школы и отдельных философов существует её специфическое понимание. Для философа свобода – это, прежде всего, свобода воли, действий; для политолога – независимость,

отсутствие стеснений и ограничений в общественно-политической жизни [4; 9]. Современная философская антропология на первое место ставит „способность человека быть собой и открытым изменениям на основе обретения личностного единства в его разных модусах: сущности и существования, духовности и душевности, целеполагания и целереализации, мышления и бытия” [12, с. 178]. Успешно развивается сегодня новая область знаний – концептология, возникшая в рамках культурологии и представляющая раздел междисциплинарной когнитивной науки. Изучение концептосферы целых этносов и отдельного человека показало, что концепт СВОБОДА, имеющий соответствующее лингвистическое выражение, присутствует у всех народов. В русской национальной концептосфере этот концепт, как глобальная единица мыслительной деятельности, выражается в основном двумя словами: воля и свобода. По мнению А.С. Солохиной, исследовавшей концепт свобода, имена „свобода” и „воля” имеют три основных значения:

- возможность поступать как хочешь;
- отсутствие ограничений;
- нахождение не в заключении, рабстве [7, с. 165].

Однако, как утверждает исследовательница, каждое имя имеет ряд своих собственных значений, которые „являются частью смыслового содержания выражаемого им концепта” [7, с. 165]. Так, кроме названных, имя „свобода” содержит значение „отсутствие ограничений, запрещений в политической области”, „лёгкость, отсутствие затруднений в чём-либо, непринуждённость, отсутствие связанности”, „свободное, незанятое время, досуг” [7, с. 166]. Требуется уточнения ещё один факт: имя „воля” имеет в русском языке ряд синонимов – „вольность” и отчасти „вольница”. Сославшись на толковый словарь С. И. Ожегова, можно утверждать, что семантическое содержание слов „свобода”, „воля” и „вольность” в основном совпадает и сводится к значению: возможность проявления субъектом своей воли.

Проведённая нами словарная работа имеет своей целью помочь проследить функционирование универсалии свобода в двух её модусах – „свобода” и „вольность” – в пространстве русского романа середины XIX века и выявить его аксиологическую составляющую в интерпретации и современном прочтении классических образов русской литературы.

Тема свободы может быть представлена как большой сюжет русской литературы. Чтобы начать исследование

функціонування екзистенціала „свобода” в руському романі середини ХІХ століття, надо звернутися хоча б до творчості А. С. Пушкіна, в якій свобода оформляється в концепт. Однак саме у А. С. Пушкіна частіше зустрічається произвольне, на перший погляд, чередування ім'я „свобода” і „вольність”. Не має сенсу в нашому випадку робити детальний аналіз всіх або, принаймні, великої кількості прикладів використання цих імен, в першу чергу, в поезії поета. Сошлемся на два найбільш відомі і репрезентативні вірші: оду „Вольність” і „К Чаадаєву”.

Уже в першій строфі оди Пушкін двічі використовує ім'я Свобода, подаючи його з прописної букви: „хочу воспеть Свободу мира” [6, с. 182]. Визначив далі приклади „беззаконня”, натрапивши, за думкою поета, в тому числі і на порушення Закону самими блюстителами його, Пушкін пише:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов **вольность** и покой (выделено мной. – С.К).

Висновочним в вірші поет вибирає все ж ім'я „вольність”, а не „Свобода”. В вірші „К Чаадаєву” Пушкін знову чередує використання імен. За строками

Мы ждём с томленьем упования
Минуты **вольности** святой...

слідують

Пока **свободою** горим... [6, с. 194].

Встає питання: чи можна назвати подібну заміну просто „сбивчивістю” пушкінських трактовок [3, с. 43] чи тут слід говорити про семантичний зсув понять? Предпочтительнее, на наш погляд, останнє. Якщо довіритися дослідниці концепта СВОБОДА А. С. Солохиной, то, за її твердженням, ім'я „воля” набуває значення „свобода” не одразу, спочатку означаючи тільки бажання, прагнення. Воля втілює в собі національні особливості розуміння свободи росіянами і пов'язана з простором і широтою як необхідними характеристиками російського образу простору” [7, с. 165]. В зв'язі

с этим вполне можно считать достоверным, что для Пушкина имя „вольность” содержало скорее национальный смысл, который коррелировал со словами „воля”, „вольница” и вызывал в исторической памяти образы Стеньки Разина, украинского козачества, Пугачёвского бунта против притеснений уральских казаков. Оба стихотворения принадлежат к тому периоду творчества поэта, в котором исследователи видят проявление и классицистического, и романтического стилей [11, с. 19]. Поэтому семантические наслоения могут быть следствием влияния эстетики обоих направлений и будут нацелены на максимальное воплощение концепта СВОБОДА в модусе „отсутствие ограничений, стеснений”.

Одновременно стоит учесть, что в этот период в литературных кругах, к которым был близок поэт, политическое и религиозное вольнодумство соединялось с эротическими мотивами. Поэтому герой Пушкина предстаёт как личность, ценящая в первую очередь вольность гражданскую и живущая по праву личной свободы.

Однако в 30-е годы А. С. Пушкин реже использует само имя свобода или воля, а обращается к сложному образу свободы, многокомпонентному, который может составлять целое стихотворение (например: „Мирская власть”). Думается, это объясняется изменением семантики самого концепта СВОБОДА в русской национальной концептосфере: под влиянием исторических реалий внутри страны и в Европе в значении имени „свобода” происходит сдвиг в сторону расширения антропологической (и как её части – политической и социальной) составляющей.

Возникновение русского социально-психологического романа закрепит за проблемой свободы статус центральной. М. Лермонтов, А. Герцен, И. Гончаров, И. Тургенев, Н. Чернышевский, Ф. Достоевский, Л. Толстой и другие каждый по-своему, но непреклонно и упорно будут вести своих героев по пути осознания свободы, формирования в герое навыков обретения свободы и умения нести ответственность за право быть свободным человеком. Конечно, круг авторов, обращающихся к теме свободы или строящих повествование с учётом концепта СВОБОДА, может быть довольно широк. Мы ограничимся только анализом романов И. Гончарова „Обломов” и И. Тургенева „Отцы и дети”, в которых, на наш взгляд, свобода выступает основополагающей величиной для создания собственной модели мира героев.

В первую очередь, следует сказать, что сознание человека мыслит два основных типа свободы: общечеловеческую и личную. Можно говорить ещё о третьем типе – свободе в Боге или

трансцендентной. Но в избранных нами для анализа романах мы не будем касаться этого уровня свободы.

Концепт СВОБОДА является бинарным, поэтому наряду со свободой будет рассматриваться и несвобода. Факторы, от которых будет зависеть свобода–несвобода героя, могут быть разные: это целеположение самого героя (ставит ли он цель быть свободным), разная степень зависимостей (самоопределяем или детерминирован человек). Именно бинарность позволит нам сопоставить таких двух несхожих героев, как Обломов и Базаров.

Говоря о романе Гончарова как о „знамени времени”, Н. Добролюбов имел в виду, что тип Обломова – русского барина должен покинуть страницы русского романа. Слишком уж залежался он на своём диване, а работы в России был непочатый край. Появление Базарова вызвало у читателя и критики обратное впечатление: „Базаров – человек жизни, человек дела” [5, с. 233]. Объяснений тому, почему Обломов „такой” (да и сам он задавал себе этот вопрос), было в русском литературоведении предостаточно. Посмотрим на эту проблему в ракурсе концепта СВОБОДЫ. Аналогично рассмотрим и истоки деятельной устремлённости Базарова.

В романах „Обломов” и „Отцы и дети” отражён один и тот же исторический период, фиксируется состояние русского общества накануне решительных изменений в социально-государственной структуре России. Но в этот исторический момент русское общество находится в положении несвободы общечеловеческой. Пренебрежение к свободе другого человека как принцип общественно-экономической формации в России продержалось дольше, чем в других государствах Европы. Писатели обратились к нравственной стороне этого явления. Начиналось с Радищева, затем Пушкин, Герцен, Тургенев выразили возмущение, сомнение, недоумение по поводу архаической формы общественных отношений – усовершенствованной формы рабства или „барства дикого”. Пожалуй, наиболее убедительно нецелесообразность пренебрежения к праву на свободу другого человека, пусть это будет даже человек, назначение которого в обществе – обслуживать „более достойных” его членов, выразил И. Тургенев в „Записках охотника”. Он первым стёр антропологическую разницу между барями и крестьянами, а именно это служило идеологическим основанием для удержания крестьян на „недочеловеческом” уровне. Иными словами, литература в России избрала вопрос о свободе как

онтологической первооснове человеческой жизни в качестве приоритетного. Но каждый писатель видел эту проблему по-своему.

Н. А. Бердяев писал: „В свободе скрыта тайна мира” [1, с. 56]. Ограничение общечеловеческой свободы в России XIX века оказало влияние даже на то сословие, которое, казалось, было вполне свободным – дворянство. Пример тому Обломов. В этом герое отражён результат нескольких веков несвободы. Философское обоснование такому состоянию человека, у которого на генетическом уровне отражено условие жизни – „несвобода”, пусть даже это человек, предки которого не были формально в разряде рабов, но они дышали общей атмосферой несвободы, сформулировал С. Франк: „Отсутствие свободы или забвение её и пренебрежение ею равносильно <...> запертости, замкнутости человеческой души; оно равносильно духовному удушению, отсутствию притока того духовного воздуха, которым дышит человек и без которого он не может существовать как человек” [10, с. 115]. В этом тайна характера Обломова и ответ на вопрос: почему же он такой? И. А. Гончаров нашёл адекватный образ этому условию формирования Обломова-человека – замкнутое пространство комнаты, впоследствии дома Пшеницыной, диван и халат.

Появление в жизни Обломова Ольги Ильинской, а с ней и любви, актуализировало в нём личную свободу как родовое свойство человека. Интересный пример проявления этой глубинной природной человеческой характеристики находим в диалоге Ольги и Ильи Ильича, когда они, наконец, встречаются после неловкого для обоих эпизода – признания Обломова в любви под влиянием музыки. Чтобы избежать неловкости от возникшей паузы в разговоре, Ольга даёт Обломову понюхать сорванную сирень. Но он вдруг предлагает вместо сирени ландыши, оправдывая это тем, что „те лучше пахнут: полями, рощей; природы больше. А сирень всё около домов растёт <...>” [2, с. 202]. Природа – это свобода, ширь, вольность. И оказалось, сущности Обломова они больше соответствуют, чем цивилизация, дом, ограниченность. На какое-то время эта родовая особенность человека стала преобладающей в Обломове, и он пережил отрезок жизни, наполненной самореализацией и активностью.

Однако беда Обломова в том, что он уже не способен стать зодчим и художником своей жизни. Если внимательно посмотреть на жизненный путь этого героя, то можно увидеть, что он был пленником несвободы всегда. Вначале детерминация семьи и положения дворянина, затем попытка Штольца заставить Обломова

покинуть диван. Любовь к Ольге также, в общем-то, оказалась „необходимостью”. На каждом этапе Обломов переходит от одной несвободы к другой. И только жизнь в доме вдовы Пшеницыной стала идеальной моделью свободной несвободы Обломова: ему не диктуют, как жить, что читать, с кем общаться. Его просто любят, уважают до боязни. Он центр этого идеального мира. Николай Бердяев, которого называют философом свободы, писал: „Огромная масса людей совсем не любит свободы и не ищет её” [1, с. 57]. В Обломове как раз и воплощён этот тип людей. В условиях общественной несвободы в этих людях сформировалось понятие о свободе как о личностной ценности, проявляющейся только в пределах бытового сознания. Все попытки включения в общественную жизнь воспринимаются ими как ограничения личной свободы и приобщения к всеобщей несвободе. В этом состоит философский смысл монолога Обломова на тему: „не нравится мне эта ваша петербургская жизнь...” (гл. IV). Сам герой никогда не произносит слово „свобода”, но его модель жизни и ценностные ориентации дают основание предположить, что он стремится к воле, как возможности жить по своему усмотрению, без обязанностей перед родными, крестьянами, владельцем которых он является, не говоря уже об общественной роли гражданина.

Иной общественно-психологический тип представлен И. С. Тургеневым в образе Базарова в романе „Отцы и дети”. Это герой, который в своём стремлении быть свободным взошёл на верхнюю ступень отрицания всякой несвободы, получив название „нигилиста”. Даже о времени он говорит снисходительно: „<...> отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня” [8, с. 34]. Для Базарова свобода должна быть полной и безоговорочной во всём: и общечеловеческом, и личном. Он освобождает себя даже от трансцендентного. Ни в бессмертие души, ни в Бога он не верит. У Базарова целеполагание и целереализация не разделены. Его свобода реализуется как сознательный выбор линии поведения и как практическая деятельность по реализации этого выбора. Он готов к взаимодействию с социумом, но на условии, что он будет менять этот социум по своему усмотрению: „<...> мы догадались, что болтать, всё только болтать о наших язвах не стоит труда <...>, что мы занимаемся вздором, толкуем <...> о парламентаризме, об адвокатуре и чёрт знает чем, когда дело идёт о насущном хлебе...” [8, с. 50–51]. Базаров не боится быть самим собой и в этом проявляется его индивидуальность, которая тоже является показателем степени свободы человека.

Несомненным испытанием для человека всегда будет любовь. Её природа такова, что она сопряжена с несвободой. Вопрос лишь в том, кто будет властвовать, а кто подчиняться. Базаров тоже проходит это испытание. В романе ему уготовлена безответная любовь. То, что Базаров оказался „таким как все” и полюбил „глупо и безумно”, не только не снижает значимости и высоты этого героя, а наоборот, поднимает его на новый человеческий уровень. В „дуэли” с Одинцовой Базаров, в отличие от Павла Кирсанова, не дал втянуть себя в бесконечную цепь сближений и отдалений. Здесь сыграла роль его целеполагающая твёрдость: если его условия не приняты, не стоит надеяться на счастливое „а вдруг...”. Особенно примечательна сцена предпоследней встречи Базарова с Анной Сергеевной, которая попадает впросак. Не доглядев за молодёжью, лелея в душе надежду скрасить однообразие дней флиртом с Аркадием, по её мнению, всё ещё влюбленным в неё, она вдруг узнаёт, что Аркадий просит руки её сестры. Анна Сергеевна готова даже заменить Аркадия Базаровым. Фраза: „Разве вы уезжаете? Отчего же вам *теперь* не остаться? Оставайтесь... с вами говорить весело...”, – выдаёт конфуз Одинцовой. Однако Базаров не проявил великодушия и не потерял бдительности: „Нет! – сказал он и отступил на шаг назад. – Человек я бедный, но милостыни ещё до сих пор не принимал. Прощайте-с и будьте здоровы” [8, с. 168–169]. Не последнюю роль в этом отказе Одинцовой быть её утешителем сыграло нежелание потерять личную свободу, что легко может случиться вблизи такой женщины.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, можем утверждать, что в пространстве русской литературы универсалия „свобода” функционирует в двух модусах: „вольность” и „свобода”. Первый модус имеет основное значение „воля”, „вольница” и содержит скорее национальный смысл, во многом связанный с широтой и необъятностью русских просторов. Это значение больше встречается на том этапе русской литературы, когда она проходит становление, когда перед обществом ещё не встали в полный рост вопросы самоопределения, самосознания и совершенствования общественных отношений.

К середине XIX века, в период создания русского общественно-психологического реалистического романа, формируется концепт СВОБОДА, который откроет новые интеллектуальные и идейные горизонты в осмыслении и освещении человека, став подлинным аксиологическим центром многих произведений.

1. *Бердяев Н. А.* Самопознание / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
2. *Гончаров И. А.* Обломов / И. А. Гончаров. – М. : Моск. рабочий, 1969. – 488 с.
3. *Кулешов В. И.* О сюжетосложении в гражданской лирике / В. И. Кулешов // „Замысел, труд, воплощение...”. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 243 с.
4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 797 с.
5. *Писарев Д. И.* Базаров / Д. И. Писарев // Русская критика середины XIX века / предисл. и сост. А. В. Осипова. – М. : Классик стиль, 2002. – С. 199–238.
6. *Пушкин А. С.* Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1985. – Т. 1 : Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – 735 с.
7. *Солохина А. С.* Свобода / А. С. Солохина // Антология концептов. – М. : Гнозис, 2007. – С. 165–182.
8. *Тургенев И. С.* Отцы и дети / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1981. – Т. 7 : Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. – С. 5–188.
9. *Философский энциклопедический словарь* / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
10. *Франк С. Л.* Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 511 с.
11. *Фридман Н. В.* Романтизм в творчестве А. С. Пушкина : учебное пособие по спецкурсу / Н. В. Фридман. – М. : Просвещение, 1980. – 191 с.
12. *Хамитов Н.* Философский словарь. Человек и мир / Н. В. Хамитов, С. А. Крылова. – К. : КНТ, Центр учебной литературы, 2006. – 308 с.
13. *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Рад. шк.1970. – 600 с.

ОТ ВОЛЬНОСТИ К СВОБОДЕ: ПУТЬ ГЕРОЯ РУССКОГО РОМАНА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Светлана Ивановна Коршунова

sikorshunova@mail.ru

Кандидат филологических наук, доцент

Кафедра мировой литературы

Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника

Ул. Шевченко, 57, 76000, г. Ивано-Франковск, Украина

Аннотация. Исследуется функционирование универсалии „свобода”, которая генетически связана с понятиями „воля” и „вольность”, в пространстве русского романа середины XIX века. Вначале рассматривается формирование концепта „свобода” в творчестве А. С. Пушкина. Следующими объектами исследования становятся романы И. Гончарова „Обломов” и

И. Тургенева „Отцы и дети”. Автор приходит к выводу, что проблема свободы человека в литературе связана с изображением процесса растущей индивидуации героя, обусловленного расширением антропологической составляющей русской жизни, и актуализируется в период создания русского классического романа.

Ключевые слова: воля, свобода, несвобода, антропологизм, русский роман, Базаров, Обломов, А. С. Пушкин, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев.

FROM LIBERTY TO FREEDOM THE WAY OF THE RUSSIAN LITERARY CHARACTER IN THE NOVELS OF THE XIX CENTURY

Svitlana Korshunova

sikorshunova@mail.ru

World Literature Academic Department

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University

Shevchenko str., 57, 76000, Ivano-Frankivsk, Ukraine

Abstract. This research examines the functioning of universal “freedom” in Russian novels from the mid. XIX century. The author starts with reviewing the concept FREEDOM in the poetry of A. S. Pushkin. But her central intention is to examine this issue in the novels of the prominent Russian writers I. O. Honcharov and I. S. Turgenev. Alongside freedom the author discusses its opposite meaning “dependence” and compares two very different heroes Bazarov and Oblomov.

The main viewpoint is that freedom determines in heroes the ability to be themselves while achieving personal unity in its different modi. Thus the hero of the novel “Oblomov” is characterized by inner dependence. Oblomov’s way of life and values show that he is in search of his own “liberty” as an opportunity to live his life without any responsibilities for his family and country. Another type of the hero is shown in the image of Bazarov (the novel “Fathers and Sons” by I. S. Turgenev). This hero in his aspiration to be free rejects any kind of dependence earning the honor of a nihilist.

Russian literature during the XIX century opens new horizons in understanding man by using the concept of freedom, primarily liberty.

Key words: liberty, freedom, dependence, anthropology, Russian novel, Bazarov, Oblomov, A. S. Pushkin, I. O. Honcharov, I. S. Turgenev.

References

1. Berdjaev N. A. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow, 1991, 446 p. (in Russian).
2. Goncharov I. A. *Oblomov* [Oblomov]. Moscow, 1969, 488 p. (in Russian).
3. Kuleshov V. I. O sjuzhetoslozhenii v grazhdanskoj lirike [About plot composing in civilian lyrics]. In: „*Zamyсел, trud, voploshhenie...*”. Moscow, 1977, 243 p. (in Russian).
4. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka* [Russian Dictionary]. Moscow, 1987, 797 p. (in Russian).
5. Pisarev D. I. Bazarov [Bazarov]. In: *Russkaja kritika serediny XIX veka*. Moscow, 2002, pp. 199–238. (in Russian).

6. Pushkin A. S. *Sochinenija v 3 t.* [Collection of works]. Moscow, 1985, vol. 1, 735 p. (in Russian).
7. Solohina A. S. Svoboda [Freedom]. In: *Antologija konceptov.* Moscow, 2007, pp. 165–182. (in Russian).
8. Turgenev I. S. Otcy i deti [Fathers and Sons]. In: Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t.* [Complete collection of works and letters]. Moscow, 1981, vol. 7, pp. 5–188. (in Russian).
9. Il'ichjov L. F., Fedoseev P. N., Kovaljov S. M., Panov V. G. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Philosophy]. Moscow, 1983, 840 p. (in Russian).
10. Frank S. L. *Duhovnye osnovy obshhestva* [Spiritual Moral foundations of society]. Moscow, 1992, 511 p. (in Russian).
11. Fridman N. V. *Romantizm v tvorcestve A. S. Pushkina* [Romanticism in A. S. Pushkin's works]. Moscow, 1980, 191 p. (in Russian).
12. Hamitov N., Krylova S. *Filosofskij slovar'. Chelovek i mir* [Dictionary of Philosophy. A Man and the World]. Kyiv, 2006, 308 p. (in Russian).
13. Cyganenko G. P. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Kyiv, 1970, 600 p. (in Russian).

Suggested citation

Korshunova S. Ot vol'nosti k svobode: put' geroia russkogo romana serediny XIX veka [From Liberty to freedom the way of the Russian literary character in the novels of the XIX century]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2013, no. 88, pp. 189–199. (in Ukrainian).

Стаття прийнята до друку 15.11.2013 р.